

С Г О В О Р

В. ЕСЕНИН.

Кулак Пафнутий Чекулаев прямо и неподвижно восседал за накрытым снудью столом, уперев тяжелей взгляд в сизоватую бутылку с самогином. А Спиридон осторожно рассматривал большой кусок вареной говядины, холодец, капусту, картошку, огурцы в больших чашках, поросенка с хреном, жареную рыбу, мед и тихо слгатывал слюну, предвкушая выпивку и славную закуску. Но уже перестал подниматься парок над чугуном с жирными щами, угас малиновый закат за окном, а отец молчал. Мерно тикали ходики, в неверном свете керосиновой лампы как бы подмигивали в углу темный лик богоматери.

Спиридон начал пробирать страх — таким Пафнутия он еще не видел: коричневое от загара лицо закаменило, скулы взоухли, губы сжаты в растерзанной полуулыбке, но лоу, покрытому бисеринками пота, прилипла прядь. «Коллективизация, мать ее за ногу! Кто хочешь до краю доведет», — подумал Спиридон.

Улус-стрелинский (ныне село Губоное) кулак Пафнутий Чекулаев уже был раскулачен и судим в двадцатом году в Костроме. Оттуда сбежал подальше, в Сибирь. Мечты его здесь полностью сбылись: народ сплошь темный, застойный, зауганый. Тот и вступил он в партию, стал к 1929 году председателем сельсовета. На все должности рассадил родственников — крепко держал власть в своих руках. И ныне... все снова прахом. Опять мужики загомонили про колхоз, из района пришла установка — переписать все дворы. А ведь все наладилось было: придет Пафнутий, бывало, на крестьянское подворье, возьмет сколько надо меда и не смеет перечесть ему. Мол, я партия, я Советская власть.

«Эх, ма, — вздохнул про себя Спиридон. — А руки-то у Советской власти оказались длиннее! И кто бы мог подумать, что Иван Охов один сможет всю улус-стрелинскую жизнь порушить...»

Первым Ивана увидел Спиридон. Тот вошел в деревню в рубашке-косоворотке, галифе, с деревянным чемоданчиком в руках. Черноглазый, худой, но веселый.

— Здравствуйте, — сказал Иван.

— Ну, здравствуй. — Где у вас тут сельсовет? — А ты экий будешь? — сразу насторожился Чекулаев-младший: уж не начальника ли какого прислали для проверки посевов и хлебосдачи? — Я избач.

Спиридон знал, раз избач — значит комсомолец, грамоте учить будет. Это-то ладно, это бог с ним, пуцай — все равно под Пафнутием ходить будет. А тот мужик крепкий, не мытьем, так катаньем заставит под свою дудку плясать. До Охова уже был тут один...

— А-а, про политику нам рассказывать будешь, комсомолец! — насмешливо сказал Спиридон. — Шибко ученый, значит!

Но на беду Иван Охов оказался не из пугливых. Что только не делали с ним: стращали, вращали про него людям, что в оольшую избу собираются строить для колхоза, в которой будут всем скопом жить с общими бабами, подкупать пробовали — все без пользы. Народ тянулся к нему. Любил он петь под балабайку, наладил выпуск стеновой газеты «Бедняцкая правда», вел кружки поллитрамоты, художественной самостоятельности, ликбез организовал. И вот что шибко было страшно — он был селькором газеты «Кузбасс». Пафнутий, например, мучается, пишет отчет в район, отвезет, благословясь, его — и все шитокрыто. А Охов-то про то же самое в газету, да всю правду нарисует в заметке. Каково Пафнутию-то потом? Приходилось делать, как в газете писано, — из района требовали. Вот и выходило: вези свой хлебушек в закрома неизвестно кому, да еще бесластно.

Грамота-то, черт бы с ней, а вот самостоятельность ихняя шибко досаждала. И что только не придумывали про Пафнутия, да про тех, кто за него шел. Пафнутий-то перед каждым концертом по хорошему предупреждал: не то споете — оштрафую! Ан, нет, все равно высмеют всяко. А уж что было вчера, так это совсем никуда не годно. Спиридон, шевеля губами, повторил про себя частушку:

А у Чекулаева Пафнуши
Двухэтажный дом стоит,
А в предбаннике

под полом

Пафнуша хлебушек гноит!

— Тыфу! — забывшись, Спиридон громко плонул и метнул взгляд на отца. Тот уже был совсем другим: в направленных прямо на Спиридона глазах, круглых, как стволы обреза, было осмысленное выражение и та самодовольная хитрость, которую сильно уважал сын. «Отец что-то придумал!» — догадался он и робко проговорил:

— Шти-то, батя, совсем простыли!

— Наливай! — сказал тот, едва шевельнув головой в сторону бутылки. Голос его вдруг стал тихим, но таким уверенно-спокойным, хладнокровным и решительным, что у Спиридона от страха тело покрылось пушпышками, как у молодого огурчика, забил озноб.

«Конечно, раз нас в угол совсем загнали, так...» Продолжать свою мысль Спиридон не стал, она и так была для обоих ясной. Он торопливо налил в граненые стаканы и, перекрестясь, залпом выпил.

— Полегчал! — закусывая капустой, сказал он.

Чекулаев-старший не спеша, степенно, как и полагается человеку при

власти, пил. Его толстый, как обрубок сучка, оттопыренный мизинец постепенно повернулся к по толку.

— Вытянуть бы Охову язык, наматать вокруг шеи, да подвесить к матице, — зло проговорил Спиридон.

— Ты ешь, Спира, ешь, — сказал Чекулаев, и тот накиннул на еду.

А Чекулаев продолжал.

— Пришла пора свою лично круче гнуть. С утра завтра избач мой двор переписывать припожалует. Будто он тут власть. Все, Спиридон, в колхоз заберут: скотину, велику, плуги... Как жить будет, что жрать?

— Вот ему! — ткнул тот кукиш в окно. — Вы-то нынче, батя, ниче году возьмете. Тыщу! — от этого слова у Спиридона сладко засосало внутри, под самым сердцем, ему бы эти денечки, встал бы на ноги, сам бы хозяйствовал.

— Свои считай! — вдруг рявкнул Пафнутий, но Спиридон не испугался.

— Где они у меня?!

— Ты пей, Спира, пей! — быстро успокоившись, как голубь, проворковал Пафнутий. — Скоро рупор революции последнее оторвет, так что переживать не из-за чего будет.

Сын почувствовал, как кусок пошел у него не в то горло и, выпучив глаза, закашлялся.

— Титун вам на язык, Пафнутий Иванович! — перекрестившись, он выпил.

— Так что, Спиридон, народишко за избачом пошел. Наше дело глбое, — обреченно вздохнул хозяин. — Ийдем с сумой...

— А как быть-то теперь? Ить что-то надо делать! — бесясь из-за спокойствия Пафнутия, выдал Пафнутий.

Хозяин молчал долго, выкатив нижнюю губу и мигая своими круглыми, как у птицы, глазками.

— А то ты не знаешь, что в таких случаях делают.

Спиридон осел, точно снежный ком по весне, он живо представил себе, как вынимает из-под стрехи оорез, идет за околицу караулить избача. «А вдруг узнают?!» — заноза сидела в голове мысли.

— Не-ет, батяня, — зло протянул он. — На мне крови нету... Даст бог, само уляжется, пройдет колхозная кампания.

— Ну, ладно, — согласился отец. — Будем лежать на полатах, что колодины. Пуцай грабят!

— А сами-то... Бойтесь ручки замарать!

— Дураки! — зло прошептал Пафнутий, вставая и склоняясь над столом к Спиридону. — Я же на виду. Я же председатель сельсовета.

Он сел, налил сам в стаканы и вдруг предложил.

— А хочешь тыщу?

— Давай! — выдохнул сын и сомлел от счастья, но тут же усомнился. — Врешь, не дашь ты мне тыщу, батя!

— А вот она, — Пафнутий, вынув из широкого кармана шаровар толстую лачку, повертел его перед носом Спиридона. — Тыщца!

У того сразу пересохло во рту, жадно выпил и осмелел.

— А не выдадите, если прижмут-то потом? А, батяня?!

— Держи! — Пафнутий сунул деньги. — Какой мне интерес выдавать? Ты ж про тыщу тогда скажешь.

«И то верно!» — смекнул тот, пересчитывая бумажки.

— Так что надо идти, Спиридон. Утром бумажку составит — и в район, тогда поздно будет.

— Надо! — скрикнул зубами тот, вспоминая, сколько хлопот принес им избач. И пролеп: по деревне мы идем. Не чикаем, не бражаем, но кто против нас пойдет, быстро ухайдакаем!

— Ир-р-равильно, — качнувшись, одобрил Пафнутий. — Одного спрашиваем на тот свет, другие не сунутся.

— Ага, ага, — кивал Спиридон, чувствуя, как согревает его душу плотный сверток во внутреннем кармане. «Моя теперь, кровеньки! А за свое я кому хошь глотку порву».

В бутылку заметно побавилось, когда со двора вдруг раздался голос избача.

— Хозяин дома?

— Отродье оесово! — прошипел Чекулаев. — Терпенья у него не хватило. Ладно! — покачаваясь, он прошел за печь, вернулся с топорами. — Держи, Спиридон! И мне, видно, от судьбы не уйти.

Чекулаев схватил сына за шкурку и поставил его поближе к двери, а сам встал сбоку. Крикнул:

— Входи, избач! Гостем будешь.

Иван матвеевич появился с тетрадкой в руке и огрызком карандаша за ухом. Пафнутий в слепой ярости поднял топор... За ним, взвизгнув по-женски, на распростертое тело оросился Спиридон.

Через минуту со двора послышались крики:

— Ивана убили! Ивана...

...

Эту резолюцию крестьяне Улус-Стрелино и соседних деревень приняли в июле 1929 года на могиле Ивана Матвеевича Охова:

«Мы, бедняки, передовые середняки и батраки, глубоко осуждаем свои ошибки, которые заключались в том, что мы допустили укравательство кулаками излишков хлеба, варварское отношение к батракам, террористическое выступление против нашего лучшего товарища избача Ивана Матвеевича Охова, который посвятил свою жизнь делу рабочего класса и трудовой части крестьянства. С болью в душе мы переносим жертву кулацкой мести — товарища Охова. Лучшим памятником ему будет выполнение плана хлебозаготовок».